

Глава 17 Тихий плач

Два года назад поводом для разорения дома Хань стало обвинение в самовольном написании государственной истории.

В таких случаях участь детей и внуков опального чиновника была предрешена: прямых наследников бросали в темницы до завершения следствия, а дальних родственников отправляли в изгнание на чужбину.

Тогда Хань Миня и его деда разлучили, разведя по разным камерам.

Окно темницы, где томился юноша, выходило напрямиком на эшафот. На том месте казнили преступников круглый год; камни помоста, вечно багряные от запекшейся крови и покрытые ошметками гнилого мяса, неизменно притягивали к себе стаи жирных воронов.

Проведя в заточении несколько дней, он случайно нащупал в широком рукаве маленький бамбуковый свисток.

Когда-то Фу Сюнь, еще будучи военачальником на северо-западных рубежах, ненадолго вернулся в столицу с докладом. Перед самым отъездом он почему-то вручил Миню эту вещицу.

Юноша поднес свисток к губам и позвал сокола по имени Яньчжи. Оторвав лоскут от подола своего платья и до крови прокусив палец, он вывел на ткани лишь один иероглиф: «Молю».

У него не осталось иного выбора, кроме как просить о спасении того, с кем он прежде вечно враждовал.

Яньчжи взмыл в небо и скрылся среди черных вороньих стай.

Однако тот, кому предназначалось послание, не явился. Вместо него в камеру вошла группа старых евнухов.

— В новом году ему исполнится всего семнадцать... — проскрежетал один, оглядывая юношу жадным взглядом. — Совсем еще нежный, до чего же нежный.

— Говорят, второй молодой господин Хань не только лицом пригож, но и умом блестящ. Попасть во дворец на службу к знатным особам — великая удача для такого, как ты.

— Уж больно хорош собой. Я возьму его в приемные сыновья, и не вздумайте со мной спорить!

Голос Хань Миня, охрипший от сырости и жажды, едва звучал:

— Детей осужденных чиновников отправляют в Иеютин... Их не заставляют становиться...

Евнухами.

Старый слуга бесцеремонно схватил его за ворот и вздёрнул на ноги:

— Размечтался! Что Государь прикажет с тобой сотворить, то и сделаем. Не тебе здесь выбирать.

Дворцовых евнухов обычно готовили к службе с малых лет. Перед самой операцией несчастных на несколько дней запирали в темных комнатах. Когда человек впадал в беспамятство от страха и неизвестности, его досыта кормили, но не давали ни капли воды. Лишь после этого, когда тело было подготовлено, в дело вступал нож. А после несчастного возвращали в ту же душную темноту, где он в полубессознательном состоянии несколько месяцев залечивал раны. Только когда тело окончательно заживало, он мог приступить к службе.

Хань Миня перевели в крохотную каморку без окон. Система, единственная, кто мог бы поддержать его разговором, как назло, отправилась в Центр управления на техобслуживание.

Минь остался один в абсолютной тьме. Он потерял счет часам и дням, ориентируясь лишь по рукам слуг, которые раз в сутки просовывали миску с едой в узкую щель. Юноша не мог проглотить ни крошки. Сначала он еще пытался лихорадочно соображать, как спастись, но позже силы оставили его. Он просто сидел в углу, привалившись к холодной стене.

Правая рука, сломанная Принцем Гуном, ныла от тупой боли; кости, должно быть, срослись неправильно, ведь лекаря к нему никто не звал. Темнота давила на плечи, тишина звенела в ушах. Тело и душа изнывали от невыносимых мук. Ему казалось, что смерть уже стоит за порогом.

Спустя вечность его наконец вывели наружу. Привыкшие к мраку глаза не выносили света и заливались слезами. На круглом столе посреди комнаты стояло множество яств, но не было ни единого кувшина с водой.

Хань Минь знал эти правила — это была его последняя трапеза перед тем, как мастера возьмутся за ножи.

В нем вдруг вспыхнула яростная, отчаянная сила. С диким грохотом он перевернул стол, расшвыривая посуду. Он бросился было к дверям, не зная пути, но его тут же схватили и придавили к столешнице несколько крепких рук.

— Раз не хочет есть — его дело. Если не сдюжит боли и подохнет, мы не виноваты. Режьте прямо так, меньше хлопот будет.

Юноша хотел кричать, но горло сковал спазм. Силы окончательно покинули его, и голова тяжело упала на дерево. Он не потерял сознание, лишь две соленые дорожки слез скатились из уголков глаз.

Когда один из мастеров уже поднес нож к огню, чтобы раскалить сталь, дверь с треском распахнулась. В комнате поднялась суматоха, и Хань Минь, воспользовавшись моментом, скатился на пол, прячась под столом.

— Ваше Высочество, здесь скверно и нечисто, прошу вас, пройдемте в другое место... — залебезил кто-то.

Фу Сюнь ударом ноги отшвырнул коленапреклоненного слугу. Он подошел к столу, встал на колени и откинул скатерть. Минь смотрел на него широко распахнутыми глазами, не в силах издать ни звука.

— Фу Сюнь... — наконец сорвалось с его губ слабое, почти детское имя.

Мужчина молча протянул руки и вытащил его из-под стола, крепко прижимая к себе.

Все эти дни слились для Хань Миня в один сплошной кошмар. Когда они покинули это проклятое место, за стенами дворца уже царила ночь. Вдалеке полыхало багровое пламя, освещающая небо жуткими отсветами.

— Что там? — прошептал юноша, цепляясь за одежду спасителя.

Фу Сюнь бережно коснулся его лба своим:

— Пустяки. Спи, маленький мой. Проснешься — и всё будет хорошо.

Позже Фу Цюань со слезами на глазах молил императора о справедливости. Оказалось, что Принц Дин действительно дотла сжег его резиденцию. Минь же долгое время верил, что то зарево ему просто привиделось в бреду.

В тишине дворца Фунин Фу Сюнь смотрел на спящего юношу, и в его душе всё вставало на свои места.

Те дни, проведенные в темнице в ожидании страшной участи, навсегда сломали покой Хань Миня. Именно тогда зародились тени, терзающие его по ночам. Он прятал свою боль слишком глубоко, неизменно сохраняя безмятежный вид, и, должно быть, даже родные не догадывались о глубине его шрамов.

Теперь император понимал: Минь выдавал себя не раз. В Лючжоу он готов был до рассвета сидеть за столом, лишь бы не ложиться в постель. Он засыпал только под присмотром Фу Сюня, да и то ненадолго, наверстывая упущенное днем, за что другие попрекали его ленью и изнеженностью.

В Тунчжоу, когда они делили одну комнату, Государь из-за ширмы постоянно слышал шорох простыней. Хань Минь часами ворочался без сна, боясь показать свою слабость.

И только потому, что спас его именно Фу Сюнь, юноша мог найти крохотную крупичку покоя лишь рядом с ним. Стоило императору укрыть его своим плащом или просто коснуться лица, как кошмары отступали.

Осознав это, мужчина жестом велел лекарю Ляну удалиться. Он сел на край кушетки и крепко сжал руку Хань Миня, желая подарить ему хоть немного уверенности.

Вскоре юноша открыл глаза. Они были красными от слез и лихорадки.

— Фу Сюнь...

Государь, погруженный в свои думы, мгновенно отозвался:

— Я здесь. Что такое?

Минь не ответил. Губы его задрожали, и он горько, безутешно разрыдался. Фу Сюнь совершенно растерялся. Он принялся гладить юношу по щеке, утишая его, как тогда, два года назад:

— Всё закончилось. Спи, отдохни немного, и всё пройдет.

Хань Минь, совершенно обессиленный жаром, всхлипывал, захлебываясь слезами:

— Не хочу... Не буду больше спать. Дай мне бумагу... Я буду писать.

— Хорошо, — мягко ответил Фу Сюнь.

Он укутал его в подбитый мехом плащ и на руках отнес в кабинет в боковом зале.

При ярком свете светильников Хань Минь сел на колени Фу Сюня. Его рука дрожала так сильно, что он едва удерживал кисть. Кое-как выведя несколько корявых иероглифов прямо на докладах, которые подданные прислали императору, Минь выронил кисть. Прижавшись щекой к прохладному столу, он наконец-то спокойно заснул.

Сердце Фу Сюня сжалось от тяжелой, давящей боли. Он нежно коснулся виска юноши, убирая выбившуюся прядь.

Так он засыпал. Все эти два года он мог забыться сном только так.

От автора:

Представим другую ситуацию. Читатели книги «Пара историй о Государе и цзюйлане» замерли в предвкушении:

Минь-Минь: «Я не буду спать, я хочу писать».

Читатели: «Сунъянь Мокэ невероятно трудолюбив!»

Или еще одна сцена — «Весна под теплым пологом из лотосов»:

<http://bllate.org/book/15310/1356125>